

Марк Твен

Похищение белого слона

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159332

Марк Твен «Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна. Рассказы»: Художественная литература; Москва; 1971

Содержание

I	4
II	16
III	30

Марк Твен

Похищение белого слона

Не вошло в книгу «Пешком по Европе», так как возникло подозрение, что некоторые подробности в рассказе преувеличены, а другие не верны. Я не успел доказать необоснованность этих обвинений, и книгу сдали в печать.

I

Следующую любопытную историю я услышал от одного случайного попутчика в поезде. Добродушная, кроткая физиономия и вдумчивая простая речь этого джентльмена, которому было за семьдесят, налагали печать непререкаемой истины на каждое слово, исходившее из его уст. Вот что он рассказал мне: — Вам, наверное, известно, как почитают в Сиаме королевского белого слона. Вы знаете также, что владеть им может только король — это его священная собственность — и что в известной степени белый слон стоит выше короля, ибо мало того что ему воздаются всяческие почести — пред ним благоговеют. Так вот, пять лет тому назад между Великобританией и Сиамом возникли недоразумения по поводу пограничной линии, и, как сразу же выяснилось, Сиам был неправ. Англия немедленно получила следуемое ей

удовлетворение, и ее представитель в Сиаме заявил, что, будучи вполне доволен исходом переговоров, он рекомендует передать недавние события забвению. Сиамский король облегченно вздохнул и, отчасти в знак признательности, а отчасти, может быть, для того, чтобы в Англии не осталось и тени недовольства им, решил преподнести королеве подарок, — ведь на Востоке не знают более верного способа умиловать врага. Подарку надлежало быть поистине царским. А какое подношение более всего могло соответствовать этому требованию, как не белый слон? Я занимал тогда видный пост на гражданской службе в Индии и был сочтен наиболее достойным чести доставить этот дар ее величеству. Для меня самого и для моих слуг, для военной охраны и целого штата, приставленного к белому слону, снарядили корабль, и, прибыв в положенное время в Нью-Йоркскую гавань, я водворил своего подопечного вельможу в прекрасное помещение в Джерси-Сити. Эта остановка была необходима, ибо, прежде чем пускаться в дальнейший путь, слона следовало подлечить.

Первые две недели все шло прекрасно, а потом начались мои бедствия. Белого слона похитили! Глубокой ночью мне позвонили по телефону и сообщили об этом страшном событии. Несколько минут я был вне себя от волнения и ужаса, я чувствовал полную свою беспомощность; потом немного успокоился и собрался с мыслями. Мне стало ясно, что надо предпринять, и каждый разумный человек сделал бы на

моем месте то же самое. Несмотря на поздний час, я немедленно выехал в Нью-Йорк и, обратившись к первому попавшемуся полисмену, попросил его проводить меня в главное управление сыскной полиции. К счастью, я поспел туда вовремя: начальник полиции, знаменитый инспектор Блант, уже собирался уходить домой. Инспектор оказался человеком среднего роста и плотного сложения, когда ему случилось задумываться над чем-нибудь, он хмурил брови и глубокомысленно постукивал себя указательным пальцем по лбу, и эта его привычка сразу же вселяла в вас уверенность, что вы имеете дело с незаурядной личностью. Только взглянув на него, я немедленно почувствовал к нему доверие и загорелся надеждой. Я изложил инспектору суть дела. Мои слова ни в коей мере не поколебали его железной выдержки – они произвели на него примерно такое же впечатление, как если бы я сообщил ему о пропаже собачки. Он знаком предложил мне сесть и сказал:

– Разрешите минутку подумать.

С этими словами инспектор сел за свой письменный стол и склонил голову на руки. В другом конце комнаты работали клерки; следующие шесть-семь минут я не слышал ничего, кроме скрипа их перьев. Инспектор сидел погруженный в глубокие думы. Наконец он поднял голову, и твердое, решительное выражение его лица сразу же показало мне, что мозг этого человека поработал не зря и что план действий уже составлен. Он начал негромким, но внушительным голосом:

– Да, это не совсем обычный случай. Надо действовать осмотрительно, надо быть уверенным в каждом своем шаге, прежде чем решаться на следующий. И тайна – глубочайшая, абсолютная тайна! Никому не рассказывайте о случившемся, даже репортерам. Предоставьте их мне. Они узнают только то, о чем я сочту нужным сообщить. – Он позвонил; появился молодой человек. – Элрик, пусть репортеры подождут. (Молодой человек удалился.) А теперь приступим к делу, и приступим методически. В нашем ремесле все построено на точности и скрупулезности метода.

Он взял перо и лист бумаги.

– Ну-с, так. Имя слона?

– Гассан-Бен-Али-Бен-Селим – Абдалла – Магомет – Моисей-Алхамалл-Джемсетджеджибой-Дулип, султан Эбу-Будпур.

– Прекрасно. Уменьшительное?

– Джумбо.

– Прекрасно. Место рождения?

– Столица Сиама.

– Родители живы?

– Нет, умерли.

– Другие отпрыски имеются?

– Нет, он был единственным ребенком.

– Прекрасно. По этим пунктам сведений достаточно. Теперь будьте добры описать внешность слона, не оставляя без внимания ни одной подробности, даже самой незначитель-

ной, – то есть незначительной с вашей точки зрения. Для человека моей профессии незначительных подробностей не существует.

Я исполнил просьбу инспектора; он записал все с моих слов. Когда я кончил, он сказал:

– Теперь слушайте. Если тут допущена малейшая неточность, поправьте меня. – И прочел следующее: – «Рост – девятнадцать футов; длина от темени до основания хвоста – двадцать шесть футов; длина хобота – шестнадцать футов; длина хвоста – шесть футов; общая длина, включая хобот и хвост, – сорок восемь футов; длина клыков – девять с половиной футов; уши – в соответствии с общими размерами; отпечаток ноги похож на след от бочонка, если его поставить стоймя в снег; цвет слона – грязно-белый; в каждом ухе – дырка для украшений размером с блюдце; слон обладает привычкой поливать зрителей водой, а также колотить хоботом не только знакомых, но и незнакомых; слегка прихрамывает на правую заднюю ногу; с левой стороны под мышкой у него небольшой рубец – след зажившего нарыва; в момент похищения на спине у слона была башня с сидячими местами на пятнадцать персон и чепрак из золотой парчи величиной с ковер средних размеров».

Никаких неточностей я не обнаружил. Инспектор позволил, отдал это описание Элрику и сказал:

– Немедленно напечатать в пятидесяти тысячах экземплярах и разослать во все имеющиеся в стране сыскные отделе-

ния и ссудные кассы.

Элрик удалился.

– Ну-с, так. Пока все идет прекрасно. Теперь мне нужен фотографический снимок вашей подвижности.

Я дал ему фотографию. Он посмотрел на нее критическим оком и сказал:

– Если лучшей нет, сойдет и эта. Только тут он подогнул хобот и забрал его в рот. Очень жаль! Это рассчитано на то, чтобы сбить с толку. Ведь вряд ли ваш слон всегда держит хобот в таком положении. – Он позвонил. – Элрик, размножить этот снимок в пятидесяти тысячах экземплярах и разослать завтра с утра вместе с описанием примет.

Элрик удалился выполнять приказ. Инспектор сказал:

– Теперь, как водится, надо назначить вознаграждение.

Ну-с, назовите сумму.

– А сколько вы посоветуете?

– Я бы начал... ну, скажем, с двадцати пяти тысяч долларов. Дело крайне трудное и запутанное. Воры найдут множество способов скрыться и спрятать покражу. У них повсюду есть соучастники и подручные.

– Боже милостивый! Так вы их знаете?

Настороженное выражение лица этого человека, привыкшего таить свои мысли и чувства, ничего не сказало мне, равно как и его спокойный ответ:

– Это не важно. Может быть, знаю, а может быть, и нет. Наши подозрения обычно строятся на данных о манере ра-

боты грабителя и о размерах его поживы. Можно твердо сказать, что на сей раз мы имеем дело не с карманником и вообще не с мелким воришкой. Тут орудовал не новичок. Поэтому, принимая во внимание все вышесказанное и учитывая предстоящие большие разъезды и тщательность, с которой воры будут замечать свои следы, двадцати пяти тысяч, пожалуй, окажется маловато. Впрочем, думаю, что для начала хватит.

Итак, мы решили начать с двадцати пяти тысяч. Потом этот человек, от внимания которого не ускользала ни одна мелочь, если она хоть в какой-то мере могла служить ключом к разгадке преступления, сказал:

– История сыска знает немало таких случаев, когда преступника изобличал его же собственный аппетит. Теперь расскажите мне, что ваш слон ест и в каком количестве.

– Ну, если говорить о том, что он ест, так он ест решительно все. Он способен сожрать человека, сожрать Библию. Одним словом, он ест все, начиная с человека и кончая Библией.

– Хорошо, превосходно. Но это слишком общее указание. Мне нужны подробности – в нашем ремесле больше всего ценятся подробности. Вы говорите, он любит человечину; так вот, сколько человек он может съесть за один присест или, если угодно, за один день? Я имею в виду – в свежем виде.

– А ему все равно, в каком они будут виде – в свежем или несвежем. За один присест он может съесть пять человек

среднего роста.

– Прекрасно! Пять человек – так и запишем. Какие национальности ему больше по вкусу?

– Любые, он непривередливый. Предпочитает знакомых, но не брезгует и посторонними людьми.

– Прекрасно! Теперь перейдем к Библиям. Сколько Библий он может съесть за один присест?

– Весь тираж целиком.

– Это слишком неопределенно. Какое издание вы имеете в виду – обычное, *in octavo*, или иллюстрированное, для семейного чтения?

– По-моему, он равнодушен к иллюстрациям, то есть ему все равно, что картинка, что текст.

– Нет, вы меня не так поняли. Я интересуюсь размерами. Обычное издание, *in octavo*, весит около двух с половиной фунтов, а большое, *in quarto*, с иллюстрациями – от десяти до двенадцати. Сколько Библий с иллюстрациями Доре он съедает за один присест?

– Если б вы знали этого слона лично, вам бы не пришло в голову об этом спрашивать. Ему только дай – он все сожрет.

– Тогда переведем на доллары и центы. Этот вопрос надо уточнить. Библия с иллюстрациями Доре в сафьяновом переплете и с серебряными наугольниками, стоит около ста долларов.

– Таких он съест тысяч на пятьдесят, то есть тираж в пятьсот экземпляров.

– Ну вот, это уже более или менее определено. Сейчас запишем. Прекрасно! Любит человечину и Библии. Так. Что он еще ест? Я должен знать все до последней мелочи.

– Наевшись Библий, он перейдет к кирпичам; наевшись кирпичей, он перейдет к бутылкам; наевшись бутылок, перейдет к тряпкам; наевшись тряпок, перейдет к кошкам; наевшись кошек, перейдет к устрицам; наевшись устриц, перейдет к ветчине; наевшись ветчины, перейдет к сахару; наевшись сахару, перейдет к пирогам; наевшись пирогов, перейдет к картошке; наевшись картошки, перейдет к отрубям; наевшись отрубей, перейдет к сену; наевшись сена, перейдет к овсу; наевшись овса, перейдет к рису – рисом его выкармливали с детских лет. Точнее говоря, нет такой вещи в мире, которую он бы не отведал, за исключением сливочного масла, – по той причине, что его в Сиаме не производят.

– Прекрасно. Общее количество потребляемого за один присест – приблизительно?...

– От двух с половиной центнеров до полутонны.

– А пьет он?

– Любое жидкое тело: молоко, воду, виски, патоку, касторку, скипидар, карболовую кислоту. Дальнейшее уточнение, по-моему, излишне. Можете внести в список любую жидкость, какая вам придет в голову. Он пьет все, что подходит под это определение, кроме европейского кофе, которого в Сиаме нет.

– Прекрасно! В количестве?...

– Пишите: от пяти до пятнадцати бочек – в зависимости от степени жажды. Что касается аппетита, то он неизменен.

– Случай действительно не совсем обычный. Тем легче будет выследить вашего слона.

Он позвонил.

– Элрик, вызовите ко мне капитана Бэрнса.

Вскоре появился Бэрнс.

Инспектор Блант изложил ему дело во всех подробностях. Потом сказал голосом ясным и твердым, как и подобает человеку, который пришел к определенному решению и который привык распоряжаться:

– Капитан Бэрнс, командуйте сыщиков Джонса, Дэви-са, Хэлси, Бэйтса и Хеккета на розыски слона.

– Слушаю, сэр.

– Командуйте сыщиков Мозеса, Дэкина, Мэрфи, Роджерса, Таппера, Хиггинса и Бартоломью на розыски воров.

– Слушаю, сэр.

– В то помещение, откуда слон был похищен, поставьте сильную охрану из тридцати самых надежных агентов и выделите им на смену еще тридцать человек. Пусть несут караул день и ночь; без моего письменного разрешения никого туда не пускать, кроме репортеров.

– Слушаю, сэр.

– Вышлете сыщиков в штатском на все железнодорожные и речные вокзалы, паромы и шоссежные дороги, идущие от Джерси-Сити. Всех подозрительных лиц подвергать обыску.

– Слушаю, сэр.

– Раздайте сыщикам фотографии с подробным описанием слона и распорядитесь, чтобы они производили обыск в каждом поезде, на каждом пароме и на всех судах.

– Слушаю, сэр.

– Если слон будет обнаружен, пусть схватят его и дадут мне знать об этом телеграммой.

– Слушаю, сэр.

– Если кто-нибудь из них обнаружит ключ к разгадке преступления – следы животного или что-нибудь в этом роде, – пусть известит меня немедленно.

– Слушаю, сэр.

– Распорядитесь, чтобы отряды полиции патрулировали все набережные.

– Слушаю, сэр.

– Разошлите сыщиков в штатском по всем железнодорожным линиям: к северу – до Канады, к западу – до Огайо, к югу – до Вашингтона.

– Слушаю, сэр.

– Посадите наших агентов во все телеграфные конторы, пусть перлюстрируют каждую телеграмму и требуют расшифровки всех зашифрованных депеш.

– Слушаю, сэр.

– Все эти мероприятия должны производиться в тайне; подчеркиваю: в строжайшей тайне.

– Слушаю, сэр.

– С рапортом являйтесь прямо ко мне в обычное время.

– Слушаю, сэръ.

– Ступайте!

– Слушаю, сэръ.

Он вышел.

Минуту инспектор Блант задумчиво молчал, и огонь, горевший в его глазах, потускнел и погас. Потом он повернулся ко мне и сказал спокойным, ровным голосом:

– Хвалиться я не люблю, это не в моих привычках, но слова мы найдем.

Я горячо пожал ему руку и поблагодарил его, поблагодарил от всего сердца. Чем дальше, тем все больше и больше нравился мне этот человек и тем сильнее я дивился тайнам и чудесам его профессии. Расставшись с ним, я отправился к себе в гостиницу, и сердце у меня билось гораздо спокойнее, чем в те минуты, когда я шел в сыскное отделение.

II

На следующее утро все газеты были полны подробнейших описаний моего дела. Не было недостатка и в некоторых дополнительных материалах, а именно в изложении «версий» сыщиков, имярек, касательно того, при каких обстоятельствах произошла кража, кто были воры и куда они скрылись со своей добычей. Таких версий насчитывалось одиннадцать, и они предусматривали все возможные варианты похищения, что свидетельствовало о выдающейся оригинальности мышления сыщиков. Среди всех этих версий нельзя было найти даже двух схожих между собой; их объединяла лишь одна любопытная деталь, относительно которой все одиннадцать сыщиков придерживались одного мнения: они утверждали, что хотя задняя стена сарая была проломлена, а единственная его дверь так и осталась на запоре, все же слона вывели из сарая не через пролом, а через какое-то другое (не обнаруженное) отверстие. Воры проломили стену для того, чтобы направить сыщиков по ложному следу. Мне и другим непосвященным эта мысль никогда не пришла бы в голову, но сыщики не дали провести себя. Таким образом, в единственном пункте, который, на мой взгляд, был ясен и прост, я больше всего отклонялся от истины. Авторы одиннадцати версий называли предполагаемых воров, но среди названных имен не было и двух одинаковых; общее количе-

ство лиц, взятых на подозрение, равнялось тридцати семи. Газетные отчеты заканчивались суждением, самым веским из всех предыдущих. Оно принадлежало старшему инспектору Бланту. Привожу выдержку:

«Старший инспектор знает, что главарями этой шайки были Молодчик Даффи и Рыжий Мак-Фадден. О готовящемся покушении ему стало известно за десять дней, и он начал слежку за этими двумя известными преступниками.

К сожалению, в последующую ночь следы их были утеряны, и птичка, то есть слон, упорхнула.

Даффи и Мак-Фадден славятся своей дерзостью. У инспектора есть все основания предполагать, что год назад именно они похитили в холодную зимнюю ночь печку из сысского управления, вследствие чего и сам инспектор, и все сыщики очутились к утру в приемном покое, кто с обмороженными руками, кто с обмороженными ногами, ушами, пальцами и тому подобное».

Прочтя первую половину сообщения инспектора Бланта, я еще сильнее, чем прежде, был поражен непостижимой мудростью этого загадочного человека. Он не только ясно читал в настоящем, но и проникал взглядом в будущее. Я немедленно отправился к нему в кабинет и сказал, что, по-моему, следовало бы арестовать этих людей заранее, не дожидаясь, когда они причинят столько хлопот и убытков. Но ответ инспектора был настолько прост, что я ничего не мог возразить ему:

– В наши обязанности не входит предупреждать преступление, мы наказываем за содеянное. Ты сначала соверши, а тогда мы тебя за руку схватим.

Я высказал далее сожаление, что тайна, которой мы с самого же начала окружили свои действия, сведена на нет газетами: они предали гласности не только факты, но и все наши планы и намерения и даже назвали по именам всех заподозренных лиц, которые теперь, без сомнения, примут меры, чтоб остаться неузнанными, или же постараются скрыться.

– Пусть! Когда ударит час, моя рука, как рука самой судьбы, настигнет их, где бы они ни прятались. Скоро им придется убедиться в этом. Что касается газет, то мы должны поддерживать с ними связь. Известность, слава, постоянное упоминание наших имен в печати – хлеб насущный для нас, сыщиков. Мы должны давать прессе фактический материал, иначе подумают, что у нас его нет; мы должны публиковать свои версии преступления, ибо на свете нет ничего более поразительного, чем домыслы сыщика, – ничто другое не вызывает к нему такого интереса и уважения. Мы должны сообщать в прессу о своих планах, ибо газеты настаивают на этом, а отказать – значит, обидеть. Читающая публика должна знать, что мы действуем, иначе у нее создастся впечатление, что мы сидим сложа руки. Гораздо приятнее прочесть в газете: «Остроумная и неожиданная версия, выдвинутая инспектором Блантом, заключается в следующем», чем давать повод для неприятных или, что еще хуже, саркастических

замечаний по нашему адресу.

– Ваши доводы вполне убедительны. Но, читая сегодняшние газеты, я заметил, что по одному, правда второстепенному, пункту вы отказались высказаться.

– Да, мы всегда так делаем. Это производит хорошее впечатление. Кроме того, я еще не составил мнения по этому пункту.

Я вручил инспектору солидную сумму денег на текущие расходы и стал ждать сообщений о розысках. По нашим расчетам, первые телеграммы должны были поступить с минуты на минуту. Чтобы не терять даром времени, я снова перечитал газеты, а также описание слона и на этот раз заметил, что вознаграждение в двадцать пять тысяч долларов предлагалось только сыщикам. Я сказал инспектору, что награду следовало бы предложить любому, кто найдет слона. Инспектор ответил:

– Слона найдут сыщики, поэтому вознаграждение достанется тому, кому следует. Если же ваше животное обнаружат посторонние, значит, они подглядывали за нашими агентами и воспользовались имевшимися у них в руках путеводными нитями и уликами, а это опять-таки дает право на получение денег только сыщикам. Система наград существует для поощрения наших работников, которые отдают делу сыска все свое время и все свои знания, а не для того, чтобы одарять не по трудам и не по заслугам случайных лиц.

Его рассуждения показались мне довольно разумными. В

эту минуту застучал телеграфный аппарат, стоявший в углу кабинета, и мы прочли следующую телеграмму:

«Флауэр-Стейшен, штат Нью-Йорк, 7 ч. 30 м.

Напал на след. Обнаружил глубокие отпечатки ног на дворе фермы. Шел по ним две мили к востоку. Безрезультатно. Думаю, слон повернул к западу. Буду выслеживать его в этом направлении.

Същик Дарли».

– Дарли – один из наших лучших агентов, – сказал инспектор. – Подождите, скоро он опять даст о себе знать.

Пришла телеграмма № 2:

«Варкер, штат Нью-Джерси, 7 ч. 40 м.

Только что прибыл. Ночью разграблен стеклянный завод, похищено восемьсот бутылок. Единственный большой водный резервуар находится в пяти милях от поселка. Направляюсь туда. Слону захочется пить.

Бутылки были пустые.

Същик Бейкер».

– Многообещающее начало! – сказал инспектор. – Я же вам говорил, что аппетиты вашего слона дадут нам кое-какой материал в руки.

Телеграмма № 3:

«Тэйлорвилл, Лонг-Айленд, 8 ч. 15 м.

За ночь исчез стог сена. Возможно, съеден. Напал на след, действую.

Същик Хабард».

– Какой он приткий, ваш слон! – сказал инспектор. – Я знал, что нам предстоит нелегкая работа, но мы его все-таки поймаем!

«Флауэр-Стейшен, штат Нью-Йорк, 9 ч. Прошел к западу три мили. Следы большие, глубокие, неровные по краям. Встретил фермера; утверждает, что это не слон. Говорит, что ямы остались с прошлой зимы, когда он выкапывал в мерзлом грунте молодые деревца. Жду дальнейших распоряжений.

Същик Дарли».

– Ага! Соучастник грабителей! Становится жарко, – сказал инспектор.

Он продиктовал следующую телеграмму на имя Дарли:

«Арестуйте фермера, заставьте его выдать сообщников.

Продолжайте идти по следам, если понадобится, до Тихого океана.

Старший инспектор Блант».

Следующая телеграмма:

«Кони-Пойнт, штат Пенсильвания, 8 ч. 45 м.

Ночью ограблена контора газового завода, похищены неоплаченные счета за три месяца. Напал на след, иду дальше.

Същик Мэрфи».

– Силы небесные! – воскликнул инспектор. – Неужели он станет есть счета за газ?

– Только по неосведомленности. Они совершенно непитательны.

Вслед за этим пришла еще одна ошеломляющая телеграмма:

«Айронвилл, штат Нью-Йорк, 9 ч. 30 м.

Только что прибыл. В поселке паника. В пять часов утра здесь появился слон. Одни утверждают, что он отправился дальше к востоку, другие – что к западу, третьи – к северу, четвертые – к югу. Установить точное направление не удалось, не было времени. Слон убил лошадь. Кусок лошади представлю в качестве вещественного доказательства. Животное убито при помощи хобота; судя по результатам, удар был нанесен

слева направо. По положению труппа полагаю, что слон пошел дальше к северу, на Беркли, вдоль полотна железной дороги. У него четыре с половиной часа форы. Отправляюсь по следам немедленно.

Сыщик Хоуз».

Я радостно вскрикнул. Инспектор сидел невозмутимый, как идол. Он спокойно дотронулся до звонка.

– Элрик, вызовите капитана Бэрнсэ.

Борис явился.

– Сколько у вас человек наготове?

– Девяносто шесть, сэр.

– Немедленно пошлите их к Айронвиллу. Пусть станут вдоль железнодорожной линии на Беркли. К северу от города.

– Слушаю, сэр.

– Внушите им, что их передвижение должно сохраняться в строжайшей тайне. Освободившихся от дежурств не отпускайте, пусть ждут распоряжений.

– Слушаю, сэр.

– Можете идти.

– Слушаю, сэр.

Поступила еще одна телеграмма:

«Сейдж-Корперс, штаб Нью-Йорк, 10 ч. 30 м.

Только что прибыл. Слон появился здесь в 8.15. Всем

удалось покинуть город, кроме постового полисмена. Слон, по-видимому, метил не в него, а в фонарный столб. Погибли оба. Кусок полисмена представлю в качестве вещественного доказательства.

Сьщик Стамм».

– Итак, слон повернул в западном направлении, – сказал инспектор. – Но ускользнуть ему не удастся: мои агенты расставлены в этом районе повсюду.

Следующая телеграмма гласила:

«Гловер, 11 ч. 15 м.

Только что прибыл. Поселок обезлюдел. Остались одни больные и старики. Слон появился здесь три четверти часа назад, как раз во время заседания Лиги противников трезвости. Просунул хобот в окно и залил помещение водой, набранной в цистерне. Некоторые наглогались – исход смертельный; есть утонувшие. Сьщики Кроз и О'Шонесси проследовали через поселок в южном направлении, почему и разминулись со слоном. Весь район на много миль в окружности повергнут в панику, люди покидают дома. Но слон наступает их всюду. Много убитых.

Сьщик Брент».

Я готов был зарыдать, так меня расстроили эти бедствия. Но инспектор ограничился следующими словами:

– Вот видите, мы его окружаем. Он это почувствовал и опять свернул на восток.

Однако это грустное сообщение было не последним. Скоро телеграф принес следующую весть:

«Хогенспорт, 12 ч. 19 м.

Только что прибыл. Слон прошел здесь полчаса назад, сея повсеместно ужас и смятение. Свирепствовал на улицах; из двух попавшихся ему водопроводчиков один убит, другой спасся. Всеобщее сожаление.

Сыщик О'Флаэрти».

– Его окружили со всех сторон, – сказал инспектор. – Теперь ему ничто не поможет.

Вслед за этим поступили телеграммы от сыщиков, которые, рассыпавшись по штатам Нью-Джерси и Пенсильвания, полные надежды и даже уверенности в успехе, рыскали по следам слона – то есть обследовали разрушенные сараи, фабрики и библиотеки воскресных школ. Прочитав эти телеграммы, инспектор сказал:

– Самое лучшее было бы снестись с ними и послать их дальше, но это невозможно. Сыщик заходит на телеграф только для того, чтобы отправить свое донесение, а потом его не доищешься.

Мы прочли еще одну телеграмму:

«Бриджспорт, штат Коннектикут, 12 ч. 15 м.

Барнум предлагает 4000 долларов в год за право использования слона в качестве подвизашой рекламы до тех пор, пока он не будет изловлен сыщиками. Намерен оклеить его цирковыми афишами. Просит ответить без промедления.

Сьщик Богз».

– Какая нелепость! – воскликнул я.

– Вы совершенно правы, – сказал инспектор. – По-видимому, этот мистер Барнум считает себя большим хитрецом, но он плохо знает меня. Зато я его хорошо знаю.

И он продиктовал ответ на эту телеграмму:

«Барнуму отказать. 7000 – или ничего.

Старший инспектор Блант».

– Вот так. Ответа долго ждать не придется. Мистер Барнум сидит сейчас не у себя дома, а на телеграфе. Это его обычная манера, когда предвидится какое-нибудь выгодное дельце. Ровно через три...

«Согласен. П. Т. Барнум».

Таким известием прервал нашу беседу телеграфный ап-

парат. Я только собирался высказать свое мнение по поводу этого странного эпизода, как следующая телеграмма направила мои мысли по совершенно новому и весьма грустному пути.

«Боливия, штат Нью-Йорк, 12 ч. 50 м.

Слон появился здесь с южной стороны в 11 ч. 50 м., последовал к лесу, разогнав попавшую навстречу похоронную процессию и уменьшив количество провожавших на две персоны. Местные жители дали по нему несколько залпов из мелкокалиберной пушки и ударились в бегство. Сыщик Берк и нижеподписавшийся прибыли сюда с северной стороны с опозданием на десять минут и, приняв глубокие ямы в земле за отпечатки ног животного, потеряли много драгоценного времени. Однако нам удалось напасть на его следы, которые вели к лесу. Мы стали на четвереньки и, не отрывая глаз от земли, чтобы не потерять следа, добрались до кустов. Берк полз первым. К несчастью, животное остановилось в кустах на отдых, и Берк, поглощенный рассматриванием следов, ткнулся головой прямо в задние ноги слона, не подозревая, что тот находится так близко. Впрочем, он сейчас же вскочил, ухватил животное за хвост и воскликнул ликующим голосом: «Вознаграждение за мн...» Но кончить ему не удалось, ибо слону было достаточно одного удара хоботом, чтобы отправить храбреца на тот свет. Я побежал назад, но слон повернулся и с

невероятной быстротой погнал меня к опушке леса. Моя гибель была неизбежна, но, к счастью, на дороге опять появились остатки разогнанной похоронной процессии, которые и отвлекли его внимание. Только что узнал, что от покойника ничего не осталось. Потеря небольшая, ибо сейчас этого добра здесь более чем достаточно. Слон снова исчез.

Сыщик Малруни».

Некоторое время мы не получали никаких новых известий, если не считать донесений усердных и обстоятельных сыщиков, действовавших в Нью-Джерси, Пенсильвании, Делавэре и Виргинии и то и дело натывавшихся на свежие и бесспорные следы. А потом, в начале третьего часа, поступила следующая телеграмма:

«Бакстер-Сентр, 2 ч. 15 м.

Слон появился здесь, оклеенный цирковыми афишами, и, прорвавшись на молитвенное собрание, покалечил многих верующих, готовившихся приобщиться благодати. Граждане загнали его в загон и выставили стражу. Приехав вскоре после этого, мы с сыщиком Брауном прошли за ограду и приступили к опознанию слона, пользуясь фотографическими снимками и описанием его примет. Все совпало в точности, если не считать рубца под мышкой, которого нам так и не удалось обнаружить. Сыщик Браун

подлез под слона, желая проверить наличие рубца, и немедленно остался без головы – черепок вдребезги, мозги не обнаружены. Все бросились наутек, в том числе и слои, раздававший меткие удары направо и налево. Ему удалось скрыться, но кровь, льющаяся из ран, полученных им в результате попаданий пушечных ядер, указывает его путь. Обнаружим в ближайшее время. Он ушел к югу, продираясь сквозь густую лесную чащу.

Същик Брант».

Эта телеграмма была последней. А к ночи на землю спустился такой туман, что на расстоянии трех футов уже ничего нельзя было разглядеть. Туман продержался всю ночь. Движение паромов и даже омнибусов было приостановлено.

III

На следующее утро газеты опять были полны версий различных знатоков сыска. Уже известные нам трагические факты излагались со всеми подробностями, а кроме того, приводилось и много других сведений, полученных по телеграфу от специальных корреспондентов. Броские заголовки занимали примерно треть каждой колонки, и когда я читал их, у меня холодела кровь. Общий тон был таков:

БЕЛЫЙ СЛОН НА СВОБОДЕ. ОН
СОВЕРШАЕТ СВОЙ ГУБИТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ.
ПОСЕЛКИ ОБЕЗЛЮДЕЛИ, НАСЕЛЕНИЕ В
УЖАСЕ ПОКИДАЕТ ДОМА! ЛЕДЯНОЙ
СТРАХ ПРЕДШЕСТВУЕТ ЕМУ! СМЕРТЬ И
РАЗРУШЕНИЕ ИДУТ ПО ЕГО СТОПАМ!
СЫЩИКИ В АРЬЕРГАРДЕ. РАЗРУШЕННЫЕ
ДОМА, РУИНЫ ФАБРИК, ЗАГУБЛЕННЫЙ
УРОЖАЙ, РАЗОГНАННЫЕ ЛЮДСКИЕ ТОЛПЫ,
НЕ ПОДДАЮЩИЕСЯ ОПИСАНИЮ КРОВАВЫЕ
СЦЕНЫ! ЧТО ДУМАЮТ ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ
ВИДНЕЙШИХ ДЕЯТЕЛЯ СЫСКА? ЧТО ДУМАЕТ
СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР БЛАНТ?

– Вот видите! – торжествуя сказал инспектор Блант,

изменяя своему обычному спокойствию. – Блестяще! Такой удачей не может похвалиться никакое другое агентство в мире. Слава о нас разойдется по всем уголкам земного шара, выдержит любое испытание временем, и мое имя пребудет в веках!

Но я не мог радоваться вместе с ним. Мне казалось, что кровавые преступления слона ложатся на мою совесть, что он только слепое орудие во всех этих злодеяниях. А как вырос их список! В одном городке он «нарушил ход выборов и уложил на месте пятерых подставных избирателей». Вслед за этим «смерть настигла еще двух несчастных, по фамилии О'Данахью и Мак-Фланниган, которые только накануне обрели пристанище в тихой гавани угнетенных всего мира и были повержены беспощадной дланью сиамского чудовища как раз в ту минуту, когда они, впервые воспользовавшись благородным правом американских граждан, подходили к избирательным урнам». В другом месте «он встретил исступленного проповедника, готовившегося к своим очередным нападкам на танцы, театр и другие развлечения, которые можно хулить, не опасаясь пощечин с их стороны, и наступил на него». Еще где-то «он убил агента по распространению громоотводов». Таков был список его преступлений, который с каждым часом становился все более кровавым и разрывал мне сердце. Шестьдесят человек убитых, двести сорок раненых! Все сообщения свидетельствовали о неутомимой энергии сыщиков и беззаветной преданности их

своему делу, и все они заканчивались так: «Этого страшного зверя видели собственными глазами триста тысяч граждан и четыре сыщика, из которых двое убиты».

Я с ужасом ждал, не застучит ли снова телеграфный аппарат. И действительно, вскоре начали поступать новые сообщения, но я был приятно разочарован ими. Мало-помалу выяснилось, что слон исчез бесследно. Воспользовавшись туманом, он, по-видимому, скрылся от преследования и нашел себе надежное пристанище. В телеграммах, поступавших из самых неожиданных и отдаленных пунктов, говорилось, что там-то и там-то, в таком-то часу видели сквозь густой туман огромную махину, и это, «вне всякого сомнения, был слон». Эта огромная, еле различимая сквозь туман махина появлялась в Нью-Хейвене, в Нью-Джерси, в Пенсильвании, в штате Нью-Йорк и даже в самом Нью-Йорке, в Бруклине – и быстро исчезала, не оставляя после себя никаких следов. Сыщики, откомандированные во все концы страны, ежечасно присылали отчеты, и у каждого из них имелась своя путеводная нить к разгадке преступления, и у каждого дело было на мази, и каждый был близок к поимке слона.

Но этот день не принес ничего нового.

Следующий тоже.

Прошел и третий день.

Газетные отчеты становились бледными. Сообщаемые ими факты ничего не давали, путеводные нити никуда не приводили, а очередные версии преступления уже были ли-

шены тех элементов новизны, которые поражают, восхищают и ошеломляют читающую публику.

По совету инспектора я увеличил обещанное вознаграждение вдвое.

Прошло еще четыре томительных дня. И вдруг бедные самоотверженные сыщики получили тяжелый удар: редакторы газет отказались печатать их материалы и холодно заявили: «Дайте передохнуть».

Через две недели после пропажи слона я, по совету инспектора, увеличил вознаграждение до семидесяти пяти тысяч долларов. Это была очень большая сумма, но я предпочитал пожертвовать всем своим состоянием, чем потерять доверие правительства. Теперь, когда сыщики очутились в таком незавидном положении, газеты ополчились на них и принялись осыпать несчастных ядовитейшими насмешками. Это подхватили бродячие театрики, и актеры, одетые сыщиками, вытворяли бог знает что, носясь по сцене в поисках слона. На карикатурах сыщики обшаривали поля и леса, вооружившись подозрными трубами, а слон преспокойно воровал у них яблоки из карманов. А как издевались карикатуристы над полицейским значком! Вам, вероятно, приходилось видеть этот значок, исполненный золотым тиснением на обложках детективных романов. На нем изображен глаз, под которым стоит подпись: «Недремлющее око». Если сыщику случалось зайти в бар, то хозяин бара, якобы в виде милой шутки, задавал ему вопрос, в свое время ходкий сре-

ди завсегдаев таких мест: «Что прикажете подать, чтобы око продрать?» Сыщикам буквально не давали прохода подобными насмешками.

И только один человек продолжал хранить в такой обстановке спокойствие, невозмутимость и выдержку: это был непоколебимый инспектор Блант. Он ни перед кем не опускал глаз, его безмятежная уверенность в себе оставалась неизменной. Он повторял:

– Пусть беснуются. Смеется тот, кто смеется последним!

Мое восхищение этим человеком граничило с каким-то благоговейным чувством. Я не отходил от него ни на шаг. Пребывание в его кабинете стало угнетать меня и становилось тягостнее день ото дня. Но я считал, что если он выносит все это, то мне тоже не следует сдаваться, во всяком случае до тех пор, пока не иссякнут силы. И я приходил туда ежедневно и был единственным посторонним человеком, которого хватало на такой подвиг. Все удивлялись мне, и я сам частенько подумывал, не удрать ли отсюда, но одного взгляда на это спокойное и, по-видимому, не омраченное тяжелой думой чело было достаточно, чтобы снова набраться стойкости.

Однажды утром, недели через три после пропажи слона, когда я уже собирался сказать, что мне придется покинуть свой пост и удалиться восвояси, великий сыщик, словно прочитав мою мысль, предложил еще один блистательный, мастерский ход.

В нем предусматривалось соглашение с преступниками. Изобретательность этого человека превзошла все, что я знал до сих пор, хотя мне и приходилось сталкиваться с самыми изощренными умами нашего века. Инспектор заявил: чтобы достигнуть соглашения с преступниками, ста тысяч долларов будет вполне достаточно, и слон найдется. Я ответил, что попытаюсь наскрести эту сумму, но как быть с несчастными сыщиками, которые трудились с такой беззаветной преданностью своему делу? Инспектор сказал:

– В таких случаях они всегда получают половину.

Мое единственное возражение было снято. Инспектор написал две записки следующего содержания:

«Сударыня!

Ваш супруг сможет заработать солидную сумму денег (с полной гарантией, что закон не посягнет на его личность), если он согласится на немедленную встречу со мной.

Старший инспектор Блант».

Одна из этих записок была отправлена с доверенным лицом особе, которая считалась женой Молодчика Даффи. Другая – особе, которая считалась женой Рыжего Мак-Фаддена.

Через час пришли два весьма оскорбительных ответа:

«Старый дурень! Молодчик Даффи два года как помер.

Бриджет Нагони».

«Старый тюфяк! Рыжего Мак-Фаддена давно вздернули, он уж полтора года как в раю. Это каждому ослу известно, только не сыщикам.

Мэри О'Хулиген».

– Я давно это подозревал, – сказал инспектор. – Вот вам еще одно доказательство безошибочности моего инстинкта.

Если какой-нибудь из планов рушился, этот человек был готов немедленно заменить его другим. Он сейчас же составил объявление в утренние газеты, копия которого у меня сохранилась:

«А – ксвбл. 242. Н. Тнд. – фз 328 вмлг. ОЗПО -; 2 м!
огв. Тс-с!»

– Если вор жив и здоров, – пояснил мне инспектор, – он обязательно явится в условленное место встречи, где обычно заключаются все сделки между сыщиками и преступниками. Встреча должна состояться завтра, в двенадцать часов ночи.

Никаких других дел больше не предвиделось, и я, не теряя времени, с чувством громадного облегчения покинул каби-

нет инспектора.

Я пришел туда на следующий день в одиннадцать часов вечера, имея при себе сто тысяч долларов наличными. Они были немедленно вручены инспектору Бланту, который вскоре удалился, все с той же отвагой и уверенностью во взоре. Невыносимо долгий час уже подходил к концу, когда я вдруг услышал желанные шаги и, задыхаясь, неверными шагами двинулся навстречу инспектору. Каким торжеством сияли его прекрасные глаза! Он сказал:

– Сделка состоялась! Завтра критиканы запоют другую песенку! Следуйте за мной!

Он взял зажженную свечу и спустился вниз, в огромное сводчатое подземелье, где обычно спали шестьдесят сыщиков, а сейчас человек двадцать коротали время, играя в карты. Я шел за ним по пятам. Инспектор быстро направился в дальний полутемный конец подземелья; и как раз в ту минуту, когда я, задыхаясь от невыносимой вони, уже терял сознание, он споткнулся о какую-то необъятную тушу и повалился на пол со следующими словами:

– Наша благородная профессия восстановила свою поруганную честь! Вот он, ваш слон!

Меня внесли в кабинет инспектора Бланта на руках и привели в чувство карболовой кислотой. Явились сыщики в полном составе, и тут началось такое бурное ликование, равного которому мне никогда не приходилось видеть. Вызвали репортеров, откупорили шампанское, стали провозглашать то-

сты, обмениваться рукопожатиями, поздравлениями. Героем дня, разумеется, считался старший инспектор, и его счастье было так полно и так честно заслужено, что даже я радовался вместе со всеми, – я, который стоял там как бездомный нищий и 'знал, что мой драгоценный подопечный мертв, что моя репутация загублена, ибо я не сумел выполнить порученной мне высокой миссии. Не один красноречивый взор говорил о преклонении сыщиков перед своим шефом, не один голос шептал: «Посмотрите на него. Ведь это король сыска! Дайте ему путеводную нить, и от него ничто не скроется!»

Распределение пятидесяти тысяч долларов прошло с большим подъемом. Засовывая в карман свою долю, старший инспектор произнес коротенькую речь. Вот что он сказал:

– Друзья мои, вы заслужили свою награду. Больше того – благодаря вам наша профессия покрыла себя неувядаемой славой.

Как раз в эту минуту ему подали телеграмму, в которой было написано следующее:

«Монро, штат Мичиган, 22 ч.

Впервые за несколько недель попал на телеграф. Ехал по следам верхом тысячу миль сквозь густой лес. С каждым днем следы становятся все явственнее, глубже и свежее. Не беспокойтесь, еще неделя, и слон будет

найден. Это наверняка.

Сыщик Дарли».

Старший инспектор предложил крикнуть трехкратное «гип-гип-ура» в честь Дарли, «одного из самых блестящих наших агентов», и затем приказал вызвать его телеграммой обратно для получения причитающейся ему доли.

Так закончилась эта эпопея с похищением слона. На следующий день все газеты, за исключением одной, рассыпались в похвалах сыщикам. А тот презренный листок разразился следующей тирадой:

«Славны дела твои, о сыщик! Ты, правда, не всегда проявляешь достаточную расторопность при розыске таких мелочей, как затерявшийся слон, ты гоняешься за ним день-деньской, а ночью в течение трех недель спишь по соседству с его разлагающейся тушей, но в конце концов ты обнаружишь пропажу, если тот человек, который затащил слона в твой дом, приведет тебя туда и ткнет в него пальцем».

Бедный Гассан был потерян для меня навеки. Ранения от пушечных ядер оказались смертельными. Он пробрался в мрачное подземелье под прикрытием тумана и там, окруженный врагами, подвергаясь постоянной опасности быть обнаруженным, угасал от голода и страданий и наконец нашел успокоение в смерти.

Сделка с преступниками обошлась мне в сто тысяч долларов, расходы по розыскам – еще в сорок две тысячи. Я не

осмеливался просить у правительства какой-нибудь должности. Я стал банкротом, бездомным странником. Но мое преклонение перед этим человеком, перед величайшим сыщиком, которого когда-либо знал мир, не увядает до сего времени и пребудет во мне до конца дней моих.